

Асир хранил молчание, и это лишь укрепило Бичилу в его подозрениях.

— Похоже, в нынешнем Военном департаменте не осталось офицеров, знакомых с элементарными нормами морали, — процедил Бичила с нескрываемым презрением. — Даже хваленый Отряд Тысячи Пределов, который кичится своей чистотой и отсутствием коррупции, оказался той же помойкой.

Асир промолчал.

Несмотря на его специфический эмоциональный интеллект, по сравнению с Бичилой он выглядел верхом благоразумия. Этот парень только что до исступления торговался с ним за чистокровную эльфийку, а теперь вел себя так, будто ничего не произошло, и строил совершенно безумные теории.

Офицер пристально посмотрел на собеседника. Встретившись с его недоуменным взглядом, Асир первым отвел глаза. Он окончательно погрузился в тишину, не желая тратить слова на человека, который, если не считать таланта к исследованиям и смазливому лицу, был абсолютно бесполезен во всем остальном.

— Что такое? — Бичила не собирался оставлять его в покое. — Когда перебивал мою цену, смелости хватало, а теперь боишься признаться?

Асир в очередной раз пожалел, что не добавил наглецу еще пару синяков.

Ученый, впрочем, остался совершенно нечувствителен к состоянию оппонента. В его глазах Асир никогда не был любителем поговорить, так что к подобным затянувшимся паузам он давно привык.

— Как ты взломал мой личный терминал? И зачем заставляешь меня переводиться в Отряд Тысячи Пределов? — Бичила обладал редким даром вести диалог сам с собой. — Или ты просто решил потешить свое эго и продемонстрировать деспотизм и всемогущество заместителя командира?

Лейтенант снова повернул голову. Его глаза, один темнее другого, казались воплощением вежливости и мягкости, но в них не было ни тени раздражения, не говоря уже о желании спорить. Он смотрел на Бичилу с тем же терпением, с каким хозяин наблюдает за домашним котом, яростно царапающим собственное отражение в зеркале.

Сердце Бичилы пропустило удар. Он поспешно отвел взгляд, внезапно утратив весь запал для насмешек.

Он боялся пристального внимания Асира. Эта застарелая тревога распространялась даже на цвет его глаз: стоило им встретиться взглядами, как у ученого начинал назревать очередной приступ истерии.

Пытаясь подавить страх и панику, Бичила активировал сенсорную панель на стене. Из ниши выплыло электромагнитное кресло.словно на ковре-самолете, он поднялся над полом на полфута и, управляя этим парящим куском металла, медленно «подплыл» к окну, откуда открывался лучший вид на аукционный зал.

Асир бесшумно последовал за ним. Легко оттолкнувшись, он запрыгнул на подоконник — узкий карниз, едва достигавший половины ширины его тела. Устроившись там с небрежной грацией, заместитель командира подпер подбородок ладонью и тоже уставился вниз, на беснующуюся толпу в торговом зале.

Начался новый раунд торгов, но чистокровную эльфийку на платформе пока никто не купил.

Подобные открытые аукционы разительно отличались от закрытых торгов для VIP-персон. Здесь борьба в низком ценовом диапазоне могла длиться вечно, пока ставки наконец не перешагивали порог разумного.

Для всех остальных это было «оно» — товар. Но Бичила не мог заставить себя так думать. Для него это была «она».

Цвет её глаз был точь-в-точь как у Асира — чистая, глубокая зелень. Именно это заставило его потерять рассудок и предложить сумму, готовую пустить его по миру. Для офицера, получавшего огромные боевые премии за уничтожение изначальных, эти деньги, может, и были пустяком, но для Бичилы они составляли последние средства, вырученные от продажи его патентов.

Он планировал потратить их на новую лабораторию. Пусть крошечную, но достаточную для независимых исследований. А теперь...

Бичила украдкой взглянул на Асира. Поняв, что тот не смотрит на него, он вновь уставился на эльфийку.

«Хочу купить её», — подумал он.

Желание никуда не исчезло. Оно было иррациональным и всепоглощающим. Точно так же он когда-то за баснословные деньги приобрел чистокровного эльфа в облике ребенка — только из-за цвета глаз. Сейчас история повторялась.

Но глядя на Асира, сидящего так близко, исследователь внезапно ощутил странное противоречие: ему казалось, что в покупке эльфов больше нет никакой нужды... Нет, неправда.

Он все еще хотел её купить, но понимал, что никогда не выиграет этот спор у человека напротив.

Премии за ликвидацию изначальных рассчитывались не только по количеству, но и с учетом множества дополнительных условий. Учитывая интенсивность боев Отряда Тысячи Пределов, на счету Асира наверняка скопилось не меньше миллиарда дула.

А может, больше или меньше. Бичила не знал наверняка.

Несмотря на то, что они несколько лет учились вместе и постоянно сталкивались в списках лучших студентов, Бичила никогда не стремился заводить друзей или узнавать кого-то поближе. Его знания о собеседнике были крайне скудны. Иначе он никогда бы не решился при первой встрече выдвинуть ему то требование — требование, которое, хоть и диктовалось научным интересом, полностью попирало священную конституцию Каоса.

Конституция Каоса была предельно лаконична и состояла всего из трех пунктов:

1. Защищать собственную безопасность и права человека.
2. Не посягать на личную безопасность других людей.
3. Считать уничтожение изначальных или служение бойцам своим пожизненным долгом и обязанностью.

Впрочем, в реальности давно существовал негласный «четвертый пункт»: под прикрытием «эльфийской лихорадки» делать всё возможное, чтобы превратить эльфов в товар массового потребления и как можно скорее стереть этот враждебный вид с лица земли. Конечно, так на это смотрел Бичила; большинство же людей либо не осознавали происходящего, либо радостно приветствовали такой исход. Народ давно привык к коррупции в правительстве и армии — пока верхушка грызется за объедки, не трогая «пирог» низших слоев, обыватели предпочитают оставаться безучастными наблюдателями.

Отношение Бичилы к эльфам было крайне противоречивым. С одной стороны, юный Асир внешне действительно поразительно напоминал чистокровного эльфа. С другой — с 5102 года, когда люди поймали первую особь, военные твердили о постоянных конфликтах и состоянии войны. Однако по какой-то причине эльфы до сих пор ни разу не атаковали людей первыми.

Казалось, они намеренно позволяют человечеству охотиться на себя и истреблять свой род.

Когда «эльфийская лихорадка» достигла апогея, немногие сохранившие совесть люди задались вопросом:

«Способствуя упадку древней расы, не молимся ли мы втайне о том, чтобы однажды не

появилась новая сила, которая точно так же будет наблюдать за нашим концом?»

К сожалению, эти слабые голоса мгновенно утонули в реве толпы.

Именно тогда Бичила, движимый своим высокомерием, озвучил в лицо Асиру то, о чем другие сокурсники не смели даже помыслить. Для того это было тягчайшим оскорблением. Другие студенты прекрасно знали, что за внешностью «прекрасной девы» скрывается чудовищная боевая мощь, и боялись, что он применит к ним конституцию. Из чувства самосохранения они держались от него подальше. Но Бичила, только что переведенный на этот факультет, совершенно не знал своего воображаемого врага.

Долгое время «знакомство» Бичилы с Асиром ограничивалось лишь строчками в рейтингах, но его непомерная гордость привела к необратимому финалу —

В тот день, когда он потребовал, чтобы Асир выколол себе глаза — пока остальные со страхом и предвкушением ждали, когда Бичилу изобьют до полусмерти, — офицер, чье мышление находилось за пределами понимания обычных людей, на глазах у всех собственноручно вырвал себе правый глаз.

Потрясенный Бичила тут же впал в истерику, результатом которой стало столь же безумное действие: он схватил окровавленное глазное яблоко и, используя свои поверхностные знания в биологии, начал изучать его, забыв о сне и еде.

Даже когда все известные методы исследования подтвердили, что глаз не претерпел никаких изменений, ученый не сдавался. Он продолжал ставить над ним эксперименты до тех пор, пока из-за неправильного хранения орган не начал подгнивать. Его коллеги по лаборатории, не в силах терпеть вонь, в отсутствие Бичилы просто выбросили глаз в шахту для утилизации органики. На этом инцидент официально завершился.

Спустя несколько дней Асир установил себе протез — свой единственный «неприродный» орган, с которым не расставался по сей день.

Возможно, этот правый глаз сработал как некий катализатор. Сокурсники, раньше строившие нелепые домыслы об Асире, внезапно начали искать его дружбы. Но юноша решительно отвергал любые попытки сблизиться. Он поддерживал лишь поверхностное знакомство, сохраняя верность своему образу одиночки.

Однако из любого правила были исключения.

Отвергая всех остальных, Асир почему-то с маниакальным упорством преследовал Бичилу. Исследователь, разрываясь между страхом мести и одержимостью «эльфийским взором», в итоге довел свою истерию до критической стадии. Ему пришлось взять академический отпуск на месяц и лечь в клинику.

Но и на этом дело не кончилось.

Выписавшись, Бичила, заботясь о своем психическом здоровье, в конце учебного года перевелся обратно на факультет биоинженерии.

Узнав об этом, Асир перевелся следом за ним.

В панике Бичила совершил еще один перевод. Спустя несколько дней он снова столкнулся с преследователем в аудитории.

Ученый менял факультеты один за другим, а офицер неумоимо следовал за ним по пятам.

В конце концов Бичила не выдержал и перевелся на самый ненавистный ему Факультет подготовки боевого состава.

И о чудо: это был единственный факультет, которого Асир старательно избегал. Он не последовал за ним.

Пусть Бичиле пришлось изучать ненавистные дисциплины и проходить жесткую военную аттестацию, он наконец-то избавился от назойливого присутствия Асира. Ради этого он был готов терпеть любые лишения.

Прошло несколько лет. Бичила в статусе военного ученого наслаждался покоем в лаборатории, когда Асир вновь предстал перед ним в образе, заставившем исследователя окончательно потерять дар речи.

<http://bllate.org/book/15827/1428012>